

**Овсяннико-Куликовский Дмитрий
Николаевич**

**Разбор ведийского мифа о соколе,
принесшем цветок Сомы, в связи
с концепцией речи и экстаза**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д53

Д53 **Дмитрий Николаевич О.**
Разбор ведийского мифа о соколе, принесшем цветок Сомы, в связи с концепцией речи
из ekstaza / Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
71 с.

ISBN 978-5-521-25990-8

ISBN 978-5-521-25990-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

терминомъ *vāra* — хвостъ, часто съ добавленіемъ *avyaya* — овечій или *avyas* (род. п.) — овцы. Процеживаясь сквозь эту цѣдилку, жидкость Сомы стекаетъ въ чаны или кадки, называемыя безразлично *droṇa*, *kalaṣa*, *saṁḍ*, *koṣa*. Въ этихъ сосудахъ она смѣшивается съ водою, кислымъ молокомъ и ячменными зернами. Затѣмъ она подвергается броженію, послѣ чего получается крѣпкій опьяняющій напитокъ *).

Этотъ напитокъ былъ обоготворенъ. Его возбуждающее, вдохновляющее дѣйствіе было отнесено на счетъ скрытой въ немъ сверхъ-естественной силы; ему были приписаны разныя чудодѣйственныя свойства, напр. свойство прогонять недуги, излѣчивать отъ слѣпоты, сохранять жизнь, даже надѣлать безсмертіемъ. Онъ былъ названъ *amṛtam* — амброзіей, — напиткомъ безсмертія. Ср. VIII, 48, 11; VIII, 79, 2; X, 25, 11.

Сома есть богъ безсмертный (IX, 3, 1). Всѣ боги пьютъ Сому (IX, 81, 5); его пьютъ и люди, называя его *madhu* (VIII, 48, 1). Это — божество, превратившееся въ жидкость. Это — богъ, который можетъ быть выпить; будучи выпитъ, онъ — безсмертный — проникаетъ въ смертныхъ, въ ихъ сердце (VIII, 48, 12); онъ хватается за сердце (*hṛdī-srṣ* — X, 25, 2), проникаетъ во всѣ части тѣла (VIII, 48, 9), возбуждаетъ, вдохновляетъ, приводитъ въ экстазъ (VIII, 2, 12; ср. эпитеты *somamad*, *somaṣīta* и под.). Наиболее яркимъ выраженіемъ такого экстаза является знаменитый стихъ VIII, 48, 3: *arāma*

*) Описаніе этой процедуры встрѣчается во множествѣ мѣстъ Ригъ-Вѣды, но всегда въ отрывочномъ и часто туманномъ видѣ, напр. IX, 67, 19; 28, 1, 2; 33, 2; 51, 1; 97, 31; 92, 1, 2, 6; 85, 9, 10; 72, 1, 6, 66, 11.

somam amṛtā abhūmāganma jyotir avidāma devān—
„мы напились Сомы, мы стали бессмертными, мы
пришли въ область свѣта, мы обрѣли боговъ“.

Совокупность этихъ чертъ сразу же переноситъ насъ изъ области обыкновеннаго пьянства, простаго потребленія въ область культа, въ сферу религіи. Съ опьяняющимъ напиткомъ на зарѣ культуры случилось то же самое, что и съ огнемъ домашняго очага: напитокъ, подобно огню, былъ обоготворенъ и сталъ предметомъ культа. Оба культа—огня и напитка—имѣютъ чисто общественное происхождение: они явились какъ бы санкціей того поступательнаго движенія общественности, которое получило могучій импульсъ отъ этихъ двухъ древнѣйшихъ и величайшихъ открытій пробуждавшагося разума,—отъ изобрѣтенія способовъ искусственно добывать огонь и готовить опьяняющій напитокъ. Когда впервые запылалъ огонь домашняго очага, искусственно добытый посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева, когда — быть можетъ, много вѣковъ спустя — былъ впервые изготовленъ опьяняющій напитокъ, тогда въ распоряженіи младенческаго, полудикаго человечества явились два могучихъ рычага общественности. Люди, сгруппированные уже вокругъ домашняго очага, обрѣли въ дѣйстви опьяняющаго напитка новое связующее, единящее начало, которое дало могучій импульсъ дѣятельности мысли, игрѣ воображенія, развитію психической производительности. На этой почвѣ съ теченіемъ вѣковъ создались тѣ грандіозныя міеологическія и религіозно-мистическія системы, типичнымъ обрачикомъ которыхъ является вѣдійская религія огня и опьяняющаго напитка.

Оба культа имѣютъ, стало быть, въ тѣсномъ смыслѣ общественное происхожденіе и значеніе. Огонь и опьяняющій напитокъ суть божества культурныя по преимуществу и въ качествѣ таковыхъ должны быть строго отличаемы отъ божествъ природы, съ которыми они могутъ имѣть только извѣстныя точки соприкосновенія, но отъ которыхъ они рѣзко отличны по существу. По этому-то концепціи Agni и Soma не могутъ быть объясняемы съ точки зрѣнія исключительно „небесной“ мифологіи. Они должны быть изучаемы прежде всего въ ихъ земной, культурной постановкѣ. Обращаясь къ разсмотрѣнію концепціи Сомы съ этой „земной“ точки зрѣнія, мы сразу же наталкиваемся на ту сторону этой концепціи, которая въ трудахъ, сюда относящихся, была оставлена въ тѣни, но которой, несомнѣнно, принадлежитъ первенствующее значеніе. Я говорю объ экстатическомъ характерѣ и значеніи культа Сомы.

§ 2. *Сома—божество экстаза. Экстазъ и рльч-пльня.*

Экстатическое дѣйствіе опьяняющаго напитка есть, несомнѣнно, важнѣйшій моментъ въ развитіи религиозно-мистической концепціи Сомы. Экстазъ, какъ явленіе общественно-психологическое, является той почвой, на которой обосновались вся роль и все значеніе вакхическаго культа вѣдійской древности. Въ гимнахъ Ригъ-Вѣды, въ особенности, посвященныхъ Сомѣ, это значеніе экстаза выступаетъ съ полной очевидностью.

Для воспроизведенія явленій экстаза языкъ Вѣдъ пользуется разнообразными выраженіями, образами и формулами. Къ числу выраженій наиболѣе точныхъ и, такъ сказать, категорическихъ относятся формы, произведенныя отъ глагольнаго корня *vīp* —

дрожать, трястись, трепетать. Оттуда *vipra*—существительное, впоследствии получившее общее значение „жрецъ“, но первоначально имѣвшее значеніе болѣе специальное, а именно: „находящійся въ состояніи экстаза“, собственно „трясущійся“,—„экзальтированный, возбужденный“. Вотъ этотъ-то терминъ является однимъ изъ главныхъ эпитетовъ. Сомы, равно какъ и другой почти однозначущій терминъ—*kavi*—поэтъ, „вдохновенный“, „вѣщій“. Оба эпитета встрѣчаются въ Ригъ-Вѣдѣ очень часто и нерѣдко фигурируютъ въ качествѣ обычнаго титула, относимаго къ разнымъ божествамъ, но въ особенности къ Агни и къ Сомѣ, которому они приличествуютъ прежде всего, какъ божеству опьяняющаго напитка. Но помимо такого обычнаго, ходячаго употребленія этихъ словъ въ смыслѣ титула или эпитета, мы находимъ обороты, гдѣ *vipra* и *kavi*, очевидно, подчеркнуты и выставлены на видъ въ своемъ истинномъ значеніи, напр. въ стихахъ IX, 18, 2: *tvam vipras tvam kavir...* „ты (Сома)—жрецъ въ экстазѣ, ты—вдохновенный поэтъ“, IX, 107, 6, 7: *tvam vipro abhavo... tvam kavir abhavo...* „ты былъ (или сталъ) экзальтированнымъ жрецомъ, ты былъ (сталъ) вдохновеннымъ поэтомъ“. Терминъ *kavi*, какъ я упомянулъ выше, есть почти синонимъ термина *vipra* и отличается отъ послѣдняго только тѣмъ, что представляетъ на видъ понятіе поэтическаго вдохновенія, какъ результата экстаза,—понятіе, которое какъ бы въ скрытомъ состояніи, *implicite*, находится и въ словѣ *vipra*. Это послѣднее обстоятельство обнаруживается изъ примѣненія корня *vir* къ понятію вдохновенной рѣчи,—гимна, молитвы. Такъ въ Ригъ-Вѣдѣ мы находимъ существительное *vir* въ значе-

ніяхъ 1) *экстазъ* и 2) *молитва, гимнъ* *). Это сема-
 зиологическое движеніе есть не болѣе какъ выраже-
 ніе психологической связи, существующей между
 явленіемъ экстаза съ одной стороны и „вдохновен-
 ной рѣчью“—съ другой. Въ гимнахъ Ригъ-Вѣды мы
 находимъ разнообразныя обороты, въ которыхъ эта
 связь выражена болѣе или менѣе фигурально. Та-
 ковъ напр. стихъ IX, 96, 7: „*ṛgāvīvirat vāsa ūṛmim*
na sindhur girāṇ somaṇ ravāmanā manishāṇ“...— „по-
 добно тому какъ рѣка (вздымаетъ волну), такъ Сома
всколебала (*ṛgāvīvirat*—интензивная форма корня *vir*,—
 я перевожу „всколебала“, не находя другаго болѣе
 подходящаго выраженія, — точнѣе былъ бы пере-
 данъ смыслъ глаголомъ „экстазировала“, если бы
 таковой существовалъ) волну рѣчи,—(всколебала)
 пѣсни, молитвы. Здѣсь „рѣчь“, пѣсни и молитвы,
 отнесены къ Сомѣ, какъ слѣдствіе—къ причинѣ;
 Сома же взята здѣсь, какъ представитель экстаза.
 Дѣйствіе, которымъ слѣдствіе (рѣчь) соединено съ
 причиною (Сома), выражено глаголомъ *vir*, обозна-
 чающимъ дѣятельность *эстатическую*. Въ приведен-
 номъ оборотѣ и подобныхъ ему (IX, 73, 2; 86, 33;
 107, 18; 103, 4 и др.), нельзя не видѣть результата
 психологическаго наблюденія надъ соотношеніемъ
 между явленіемъ экстаза и функціей рѣчи-пѣнія. Въ
 эпоху Вѣды это соотношеніе было давно уже извѣст-
 но и послужило темою или канвою для различныхъ
 образовъ, мистическихъ концепцій и наконецъ ми-
 еологическихъ представленій, причемъ было подмѣчено
 и то явленіе, что оба начала—экстазъ и рѣчь-пѣ-
 ніе—могутъ мѣняться ролями: если экстазъ порожд-

*) См. замѣчанія Бергэна, *La religion védique*, I, стр. V, въ примѣч.

даетъ рѣчь-пѣніе, то и наоборотъ—рѣчь-пѣніе приводитъ человека въ состояніе, аналогичное экстазу. Оттуда терминъ *vās viraṣcit* (IX, 64, 25), можетъ быть переведено двояко: *рѣчь вдохновенная* и *рѣчь вдохновляющая, возбуждающая*.

Положеніе „рѣчь производитъ экстазъ“, подобно вышерассмотрѣнному обратному положенію „экстазъ производитъ рѣчь-пѣніе“, нашло въ Риги Вѣдѣ разнообразныя выраженія, надъ которыми мы здѣсь остановимся нѣсколько дольше, потому что религіозно-мистическая и міеологическая переработка тезиса „рѣчь производитъ экстазъ“ имѣетъ прямое отношеніе къ предмету настоящаго вткуда.

Въ стихѣ IX, 2, 7 читаемъ: *giras ta inda ojasā magmrjuante apasyuvaḥ yābhir madāya śumbhase*— „для тебя, о Инду *), мощно очищаются дѣятельные голоса, которыми ты украшаешься для опьяненія“. „Голоса“, т. е. пѣніе, пѣсни, гимны, которыми сопровождается процессъ приготовленія чудодѣйственнаго напитка, названы здѣсь *apasyuvaḥ*, т. е. дѣятельные, энергичные, активные. Этимъ эпитетомъ характеризуется выдающаяся роль пѣнія въ священномъ процессѣ изготавленія напитка: пѣніе образуетъ въ немъ отнюдь не побочный элементъ, а одну изъ его существенныхъ составныхъ частей, безъ которой не было бы и искомаго результата.

Основной смыслъ приведеннаго мѣста можетъ быть формулированъ такъ: *giraḥ* (пѣніе, пѣсни, гимны) являются причиною по отношенію къ *mada* (опьяненіе, экстазъ опьяненія). Дѣйствіе, которымъ эта причина связывается со своимъ слѣдствіемъ, живописуется

*) Инду—другое названіе Сомы.

различными терминами, изъ коихъ главнѣйшіе суть: *ṣumbh*—украшать, *vasāy*—одѣвать, *hi*—устремлять, гнать, погонять, *parish-kṛ*—украшать, *mṛj*—очищать и пр. Употребленіе перваго изъ этихъ терминовъ мы нашли въ вышеприведенномъ примѣрѣ (см. также IX, 40, 1: *ṣumbhanti vipram dhitibhiḥ*—„украшаютъ эквальный жреца—т. е. Сому—молитвами“). Сомѣ украшается пѣснями, наряжается въ пѣніе, какъ бы въ одежду. Посредствомъ пѣнія онъ снаряжается для своей экстатической дѣятельности *). Второй терминъ, близкій по значенію къ первому, мы находимъ въ выраженіи *tam girbhir vāsayāmasi*—„его (Сому) мы одѣваемъ пѣніемъ (гимнами)“ (IX, 35, 5; 43, 1). То же самое значеніе имѣетъ и терминъ *parish-kṛ*: *girbhir parishkṛtaḥ viprasya*—„украшенный пѣснями жреца“ (IX, 43, 3) или: „*tvām... anu viprāso... amadan viṣvābhir matibhir parishkṛtam*—„жрецы привели въ экстазъ тебя, украшеннаго всѣми гимнами“ (IX, 86, 24). Здѣсь выраженія *anva-madan* и *parishkṛtam* другъ друга дополняютъ и поясняютъ; порусски терминъ *parishkṛtam* (прич. прош. страд.) удобнѣе всего перевести дѣепричастіемъ: „украшая тебя гимнами, жрецы опьянили тебя, привели тебя въ экстазъ“. Экстатическое состояніе, выражаемое корнемъ *mad*, вызывается дѣйствіемъ пѣнія,—дѣйствіемъ той словесной ритмической стихіи, которою Сомѣ украшается, облачается, въ которой онъ черпаетъ свою чудодѣйственную мощь. Пѣніе возбуждаетъ Сому, устремляетъ, погоняетъ его, какъ

*) Ср. связь понятій *украшать*—*наряжать*—*снаряжать*—*вооружать* и пр., обнаруживающуюся въ родствѣ нашихъ терминовъ *наряжать* и *снаряжать*, въ употребленіи греч. *χοσμήειν* въ смыслѣ вооружать, ставить въ боевой порядокъ (II. III, 1; ср. *χοσμήτορες λαῶν*).

всадникъ погоняетъ коня (IX, 44, 2: *dhiyā hitaḥ*). Подъ воздѣйствіемъ священныхъ пѣсенъ Сома *pacemā* въ процессѣ культа—*„ukthāir yajñestu vardhate“*— (IX, 17, 4); Сома взлелѣялъ пѣніемъ: *tvā hinvanti vedhasaḥ... girāvṛdham*—(IX, 26, 6)—*„вѣрные (т. е. вѣрующіе, поклонники) устремляютъ (погоняютъ) тебя пѣніемъ взлелѣяннаго“*. При *hinvanti* нужно подразумѣвать *girā*, находящееся въ *girāvṛdh*; его погоняютъ, такъ сказать понукаютъ пѣснями, которыми онъ взлелѣянъ. Благодаря пѣнью гимновъ, которыми сопровождается процедура культа, Сома достигаетъ своей цѣли,—приходитъ къ извѣстному результату,—является во всеоружіи экстаза. Эта мысль очерчена между прочимъ въ стихѣ IX, 71, 3, гдѣ говорится, что Сома *sādhate girā*—*„достигаетъ своей цѣли посредствомъ пѣнія“* и что онъ *verate matī*—*„находится въ состояніи экстаза подѣй воздѣйствіемъ гимна“*.

Итакъ, отмѣтимъ еще разъ положенія, гласящія, что *экстазъ производитъ рѣчь* и—наоборотъ—что *рѣчь является источникомъ экстаза*. Это—психологическія явленія, которыя были подмѣчены въ глубокой древности. Ибо, несомнѣнно, древніе наблюдали не только солнце, луну, звѣзды, громъ и молнію, но и самихъ себя. Изъ такихъ самонаблюденій вышли цѣлыя системы мифологическихъ и религіозно-мистическихъ идей, въ ряду которыхъ далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ идеи, относящіяся къ области экстаза въ связи концепціей *рѣчи*. Намъ предстоитъ теперь ближе опредѣлить именно эту концепцію *рѣчи*.

§ 3. *Рѣчь—пѣніе—ритмъ.*

Изъ данныхъ, сгруппированныхъ выше, само собою явствуется, что эта *рѣчь*, производящая экстазъ, есть ничто иное, какъ *пѣніе гимновъ*. Но это поло-

женіе требуетъ болѣе точныхъ разъясненій. Мы впали бы въ большую ошибку, если бы приняли термины *рѣчь* и *пѣніе гимновъ* въ ихъ современномъ значеніи. Вообще нужно остерегаться переносить современные понятія въ древность. Современный человѣкъ далеко не похожъ на человѣка древности, и современные рѣчь и пѣніе—совсѣмъ не то, что рѣчь и пѣніе древности. Всѣ мы испытываемъ на себѣ экстатическое дѣйствіе пѣнія, напр. въ церкви или въ оперѣ. Но это пѣніе мы не назовемъ рѣчью. Въ древности—напротивъ того—не было такого рѣзкаго различія между рѣчью и пѣніемъ. Первая была болѣе ритмическою, чѣмъ нынѣ, второе же далеко не такъ музыкально, какъ теперь, и оба сливались въ среднемъ терминѣ, который мы будемъ называть рѣчью-пѣніемъ или рѣчью ритмической.

Что древность не отличала пѣнія отъ рѣчи съ той рѣзкостью, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время, это видно изъ данныхъ языка и прямыхъ свидѣтельствъ памятниковъ. Слово *vāc*, употребляющееся въ Вѣдахъ какъ синонимъ *имна*, значитъ собственно *рѣчь*. Глагольный корень *vac*—говорить—употребляется въ Вѣдахъ въ значеніи пѣть и вообще звучать. Равнымъ образомъ и глаголы *vad* и *bru* соединяютъ въ себѣ оба значенія. (Ср. I, 117, 25: *etāni vām aṣvina viriāni pra... āyavo 'vocaṇ brahma kṛṇvantas... yuvabhyām vidatham ā vadema*.—II, 1, 16: *...ā brhad vadema vidathe*.... IX, 97, 7: *pra kāvyaṁ... bruvāṇo... devānām janimā vivakti*). Лат. *vox*, этимологически соотвѣтствующее санскритскому *vāc*, употребляется въ значеніяхъ *слово*, *языкъ* (*Sprache*) и *акцентъ*, *удареніе*, *тонъ*. Греч. ἔπος *) значитъ слово,

*) Отъ того корня *vak*, *vac*.

рѣчь и пѣсня. Соответствующій глаголъ εἰπεῖν употребляется въ обоихъ значеніяхъ—говорить и пѣть. Онъ, несомнѣнно, значить *пѣть* въ первомъ стихѣ Одиссеи: Ἄνδρα μοι ἔννεπε, μοῦσα... гдѣ форма ἔννεπε должна быть рассматриваема какъ синонимъ формы ᾄδειε, находящейся въ первомъ стихѣ Илиады: Μῆνιν ᾄδειε, θεά... .

Такое чередованіе понятій *говорить* и *пѣть*, намекающее на первоначальное ихъ отождествленіе, указываетъ намъ на третій элементъ, который самъ по себѣ не есть ни рѣчь, ни пѣніе, но таитъ въ себѣ зародыши того и другаго: это—*ритмъ языка*. Это—та ритмическая рѣчь, изъ которой съ теченіемъ времени выдѣлились, чтобы пойти своими особыми путями, съ одной стороны настоящая прозаическая рѣчь, а съ другой стороны настоящая пѣсня. Не подлежитъ сомнѣнію, что экстатическая сила этой рѣчи зависитъ исключительно отъ дѣйствія на психіку человѣка указаннаго ритмическаго начала.

Для характеристики этого ритмическаго начала въ гимнахъ Ригъ-Вѣды употребляются различные образы, изъ коихъ отмѣтимъ два. Это, во-первыхъ, представленіе рѣчи въ видѣ жидкости, которая течетъ, струится. Ритмическая рѣчь есть нѣчто *плавное*,—мы и теперь говоримъ „плавная рѣчь“, желая этимъ обозначить рѣчь складную, хорошо построенную, т. е. болѣе или менѣе сохранившую свое ритмическое строеніе. Это выраженіе идетъ изъ глубокой древности. Въ Ригъ-Вѣдѣ, IX, 108, 7, читаемъ: ā sotā pari shīncata... stomam... udaprutam—„выдавливайте, (выжимайте), разливайте вокругъ гимнъ текущій водою (=плавный)“. Здѣсь *stoma*—гимнъ обозначаетъ (что для насъ, какъ увидимъ ниже, въ особенности